

Роберт Ритчер

Эрнст Брюггеман

Эрнст Брюггеман родился в сентябре 1899-го года в Екатериненштадте. Отец его, Карл Иванович Брюггеман, по профессии был бухгалтером, мать, Эмилия Фридриховна, урождённая Прахт, как и было принято, вела дом. В 1907-ом году, когда в семье было уже пятеро детей, умерла Эмилия. Карл Брюггеман оставил Екатериненштадт, перебрался в большое левобережное село Зельман (Ровное), где устроился на хорошо оплачиваемое место по своей профессии в посредническую фирму по торговле зерном. В 1910-ом году он женился во второй раз. Его супругой стала учительница Адельхейда Моор. С годами к пятерым детям от первого брака добавилось ещё семь. Но не следует этому особенно удивляться: для того времени такая большая семья была далеко не редкостью.

Эрнст Брюггеман окончил сначала начальную школу, потом ещё два года учился в так называемой министерской школе. Парень он был не только способный, но и прилежный, так что родители решили, что он должен продолжить образование. В 1914-ом году там же, в Зельмане, он поступил в учительскую семинарию, которая была чем-то вроде нынешних педагогических колледжей или педагогических училищ советского времени. В 1917-ом году он с успехом окончил семинарию и получил место учителя в начальной школе левобережного села Виземюллер (Луговское) – это в степи, километрах в сорока от Зельмана.

Время было смутное. Шла война, и конца ей не виделось. В феврале 1917-го года рухнула монархия, и в стране воцарился форменный бедлам: менялась власть, шатались жизненные устои, пошло разложение в армии, началось брожение во всех слоях общества, даже в самой консервативной его части – крестьянстве. Не обошли эти процессы и немецкое Поволжье. В различных кругах общества – в первую очередь среди людей обеспеченных и образованных – после долгого молчания вслух заговорили о необходимости отмены дискриминационных мер, введённых царским правительством после начала 1-ой мировой войны по отношению к российским подданным немецкого происхождения. На этой базе одна за другой стали появляться политически активные группы, быстро превратившиеся в общественные движения. После захвата власти большевиками в октябре 1917-го года и объявления ими «Декларации прав народов России», на словах представлявшей всем гражданам страны равные права, энергия этих движений была переориентирована на проблемы национального самоопределения немцев, вплоть до представления немецким колониям широкой автономии в составе России.

В конце февраля 1918-го года в левобережном селе Варенбург (Привальное) состоялась конференция представителей немецких колоний левобережья Волги

(административно эти колонии входили в состав Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии). На этой конференции была учреждена Временная центральная администрация немецких колоний на Волге, во главе её стал Административный совет, в который наравне с М. Тиссенем, М. Кизнером, И. Гроссом, Д. Айрихом вошёл и Карл Брюггеман. Местные большевики конференцию эту игнорировали, а решения её объявили контрреволюционными. Административный совет не испугался этого и вступил с ними в открытую конфронтацию.

Участие старшего Брюггемана в работе Административного совета вызывало отрицательную реакцию со стороны его сына Эрнста. Он, в отличие от отца, безоговорочно принял советскую власть, стал её активным поборником и принимал участие в работе всех её новых органов: и сельсовета, и комитета бедноты, и во всевозможных собраниях, да ещё и пропаганду среди крестьян вёл, восхваляя эту новую власть. Это вызывало раздражение и отца, и мачехи, однако родственные отношения, пусть натянутые, но сохранялись. Разрыв произошёл тогда, когда Эрнст вступил в комсомол. Узнав об этом, Карл Брюггеман в гневе запретил сыну появляться дома, пока тот состоит в этой вызывавшей крайнее его неприятие организации. Сын после этого и не появлялся дома почти год, и только в январе 1920-го, когда ему прислали повестку о призыве на военную службу, состоялось их примирение.

Это была последняя встреча отца с сыном. Карл Брюггеман умер от тифа в 1921-ом году. За полгода до своей смерти он перевёз семью в степное село Штрасбург, где ему предложили место секретаря сельсовета. В Зельмане, судя по всему, не давали и этого, припоминая ему его недавнюю политическую оппозицию. Жене же его на новом месте работу дали как раз по специальности – учительницей в начальной школе.

Адельхейда, мачеха Эрнста Брюггемана, после смерти мужа рук не опустила, и с помощью подраставших одного за другим детей вытянула-таки перегруженный семейный воз, который взвалила на неё судьба. Она вынесла не только это, но и всё то, на что и в те годы, и в годы последующие был обречён весь её народ. Умерла она в шестидесятых годах на высылке в Башкирии, надолго пережив своего мужа. И жизнью своей она имела полное право гордиться: в семье Брюггеманов следом за самой Адельхейдой Александровной ещё девять человек стали школьными учителями. Эрнст Брюггеман тоже включён в эту компанию, и вполне справедливо – он и по счёту был вторым после мачехи учителем в семье, и в Виземюллере почти два года проработал в начальной школе, и в дальнейшей жизни ему ещё много лет пришлось быть учителем. Правда, не школьным.

Что значило в то время быть призванным в армию? Ещё шла гражданская война, но она уже подходила к концу – победа Красной армии на фронтах стала очевидной, и новобранцев в действующие там части практически не отправляли. Но с 1921 года в стране повсеместно вспыхнуло большое число крестьянских восстаний, и на борьбу с этими, как их называла официальная пропаганда, «бандитами» без излишних раздумий привлекали и дислоцированные в этих

районах воинские части. Не минула эта чаша и Эрнста Брюггемана. Полк, в котором он служил, был брошен на борьбу с повстанческой группой, возглавляемой Пятаковым, и в его составе Брюггеман участвовал в бою под Мариенталем, немецкой колонией на левобережье. Но это был его единственный бой в этой войне. В том же 1921-ом году командование предложило ему поехать на учёбу в Саратовскую пехотную школу красных командиров, и он без особых колебаний согласился. Думается, что роль в принятии этого решения сыграли многие обстоятельства: и смерть отца, на похороны которого он не сумел попасть, и страх перед неопределённостью мирной жизни, и голод, охвативший Поволжье, и присущее его характеру стремление к порядку.

Пехотная школа в Саратове была организована в реквизированном у церкви здании бывшей духовной семинарии (в 30-х годах оно было передано под Педагогический институт). Учился Брюггеман хорошо, школу окончил с отличием и получил направление в 96-ой полк дислоцированной в Саратове 32-ой стрелковой дивизии. После очень короткой стажировки он был назначен там командиром взвода. Он не случайно попал именно в 96-ой полк, тут роль сыграла его национальность: полк этот комплектовался призывниками из немецких колоний, и командный состав тоже подбирался по этому принципу



Служилось ему и легко, и трудно. Легко потому, что нормы армейской жизни с её заданностью, уставными требованиями, формой отношений в принципе соответствовали тем представлениям о жизни вообще, которые диктовались складом его характера. Легко ещё и потому, что по уровню развития, по грамотности, по своему интеллекту он был в какой-то мере выше немалого числа его сослуживцев из числа командиров взводов и рот, и это позволяло ему делать своё дело чаще всего лучше других. И осознание им самим этого факта окрыляло, мобилизовывало волю и поддерживало дух.

Но это создавало и трудности, и в первую очередь трудности с карьерным ростом. Назначенный в 1926-ом году командиром роты постоянного состава, он в короткий срок вывел её в передовые. Когда летом 1927-го года поставленный Сталиным на пост Народного комиссара (то есть министра) Красной армии и Военно-морского флота К.Е. Ворошилов приехал в Приволжский военный округ и решил ознакомиться с положением дел в 32-ой дивизии, находившейся тогда в Татищевских летних лагерях, ему, Ворошилову, очень многое в ней не понравилось. Он гневался, устраивал разносы со срыванием знаков различия с петлиц командиров, и только идеальный порядок в специально подставленной ему на показ роте Брюггемана несколько утишил высочайший гнев и в какой-то

мере отвёл беду и от командования 96-го полка, и от командования всей дивизии. Что должно было бы сделать нормальное начальство после этого случая? Конечно же, перевести отличившегося офицера на более высокую должность. Этого не сделали. Рота Брюггемана получила статус образцово-показательной, но зато сам он ещё целых три года вынужден был оставаться её командиром.

В 1930-ом году полку была дана возможность отправить одного из офицеров на одногодичную переподготовку в Москву, на престижные курсы «Выстрел», где повышали свою военную квалификацию не только младшие офицеры, но и более высокого уровня командный состав армии. Выбор командования пал на Брюггемана. Учился он с присущим ему прилежанием и курсы окончил с отличием.

По возвращении из Москвы в дивизию он был назначен начальником дивизионных курсов подготовки младших командиров (по-современному – сержантской школы) и оставался на этой должности до 1932-го года. В том году 32-ю стрелковую дивизию передислоцировали на Дальний Восток, но 96-ой полк туда отправлен не был, а был переведён в Энгельс, столицу Республики немцев Поволжья. Брюггемана тоже оставили, и он был назначен в полку командиром одного из батальонов. Вскоре на базе 96-го стрелкового полка была развернута 53-я стрелковая дивизия.

Незадолго до перевода 32-ой дивизии на Дальний Восток Эрнст Брюггеман женился. Его избранницей стала Мария Васильевна Синчугова, работавшая вольнонаёмной машинисткой в штабе дивизии.

В 1935-ом году, когда в Красной армии были введены воинские звания, его аттестовали капитаном. Конечно, этот факт – всего лишь капитан в 36 лет, когда в таком возрасте было немало военных в генеральских чинах (комбригов, комдивов по тогдашней табели о рангах) – наводит на мысль о полной неспособности человека к исполнению своих обязанностей. Но не будем спешить с выводами. В том же году его как лучшего офицера 53-ей стрелковой дивизии откомандировали на учёбу в Военную академию имени Фрунзе – одно из самых престижных высших военных учебных заведений СССР.

Но окончить академию ему не привелось. Началась гражданская война в Испании, в которую не могло не вмешаться коммунистическое руководство Советского Союза. Брюггеман оказался среди «добровольцев», отправленных в эту страну, «чтобы там, за далёкими Пиренеями, – как писал потом маршал П.И. Батов, тоже участник этих событий, тогда полковник, – стать в боевые ряды борцов за правое дело испанского народа, дать отпор воинствующему фашизму» (так следовало трактовать участие военных из Советского Союза в гражданской войне в Испании по канонам советской пропаганды). Покойный Вальдемар Эккерт, занимавшийся проблемой участия советских немцев в этой войне, в одной из своих публикаций в альманахе «Heimatliche Weiten» писал: «Unter den am Leben gebliebenen und heimgekehrten Sowjetarmisten befanden sich auch Ernst Brueggemann, Ernst Schacht und Oskar Bienz, alle drei deutsche Sowjetbuerger».

Работая над биографией Эрнста Шахта, я установил ещё одного участника – Александра Линде, крымского немца, авиационного механика. Но это так, к слову.

Брюгтемана отправили в Испанию весной 1937-го года. Сначала его определили советником в один из испанских полков на Южном фронте, а спустя два месяца ему присвоили звание подполковника испанской армии и назначили первым помощником командира 27-ой пехотной дивизии Хосе Галана, более известного тогда под именем Пако или просто как генерал Галан.

В своё время в СССР было напечатано немало воспоминаний об этой войне, написанных её участниками, но бросается в глаза, что почти все эти истории рассказаны лётчиками, танкистами, артиллеристами, даже диверсантами, а если кем-то другим, то опять о тех же лётчиках, танкистах, артиллеристах или диверсантах, и практически ничего не написано пехотинцами или о пехотинцах. Такова, видимо, судьба пехоты: делать на войне всё самое главное, самое трудное, самое грязное, а хвастаться подвигами оставлять другим. И отношение к пехоте в верхах такое же. Достаточно посмотреть в список советских «добровольцев», удостоенных за Испанию звания Героя Советского Союза, чтоб всё стало ясно: из 59 человек – 35 лётчиков, 21 танкист, 2 моряка-подводника и всего лишь один пехотинец, да и тот генерал – военный советник.

Но и сами они, пехотинцы-«добровольцы», приложили к этому руку. В архиве своей матери я нашёл опубликованные Николаем Беллендиром и Фердинандом Кремером в мае 1971-го года в газете «Neues Leben» воспоминания об испанских событиях того же Эрнста Брюгтемана, тогда уже покойного. Не знаю, кто виноват – сам Брюгтеман или авторы публикации, но я не нашёл в них ничего, что захотелось бы здесь процитировать. Так, или форменные пустяки, или идеологический звон.

Брюгтеман был в Испании до самого конца, до момента, когда у республиканского правительства всё стало трещать по швам, но оно, несмотря на это, отказалось от помощи советских «добровольцев». Возвращаться домой пришлось долго и сложно: сначала из Валенсии в Барселону через территорию, уже занятую франкистами, потом во Францию, где пришлось побывать в концентрационном лагере, а после освобождения из него – через Париж в Лондон, из Лондона в Антверпен, а уже из Антверпена на пароходе – на родину.

По возвращении в Советский Союз он получил майора (звания подполковника в Красной армии было введено позднее – в сентябре 1939-го года, так что пришлось согласиться с понижением), орден Красного Знамени, приличную сумму денег и трёхмесячный отпуск. После отпуска он был переведён на новое место службы – в Сибирский военный округ, в город Омск, где был назначен начальником оперативного отдела дивизии. В 1940-ом году он получил, наконец, давно выслуженное звание полковника и очередное повышение по службе – должность начальника оперативного отдела стрелкового корпуса. Вместе с этим выделена была ему, к большой радости Марии Васильевны и маленького Альберта, и хорошая квартира в Омске.

После нападения Германии на Советский Союз на базе частей Сибирского военного округа была сформирована 24-я армия, спешно переброшенная на Запад. Корпусу, в котором служил полковник Брюггеман, был определён рубеж чуть южнее Смоленска, в районе города Ельни.

Воевать ему пришлось недолго. 31-го июля 1941-го года при отражении очередного наступления германских войск полковник был тяжело ранен. Его успели вытащить с поля боя и отправить в полевой госпиталь, откуда его переправили в госпиталь тыловой, в тот самый Омск, откуда он уходил на войну. Он выжил, но в госпитале ему пришлось пролежать почти 3 месяца.

Он ещё лечился от ран, когда в жизнь всех советских немцев пришли самые чёрные в их истории дни. В конце августа вышел указ о переселении в Сибирь и Казахстан поволжских немцев, чуть позднее – всех прочих немцев; одновременно стали выдвигать из воинских частей немцев-военнослужащих и собирать их в «рабочие колонны». Он ждал, как поступят с ним, и приготовился к самому худшему – тогда можно было ожидать всего. Но случилось невероятное: его вызвали в штаб военного округа и объявили ему, что он назначается заместителем начальника Омского военного училища имени Фрунзе по военно-строевой работе. В отличие от многих других ему было сделано исключение.

Такие исключения были редки, но они были. Такое исключение было сделано для полковника-артиллера С.С. Волкенштейна, ставшего во время войны генералом и Героем Советского Союза. Такое исключение было сделано для полковника Н.А. Гагена, командира 153-ей стрелковой дивизии, которая в сентябре 1941-го года одной из первых получила звание гвардейской, а её командир, к слову сказать, бывший капитан царской армии, стал генералом и кавалером многих высших орденов Советского Союза. Такое исключение было сделано для М.А. Рейтера, получившего генеральское звание ещё до начала войны. Такое исключение было сделано для контр-адмирала Ю.Ф. Ралля, ставшего во время войны вице-адмиралом и начальником штаба Балтийского флота. Такие исключения были сделаны для некоторых видных учёных, в большинстве своём работавших в военно-прикладных областях науки и техники. Такие исключения были сделаны для нескольких деятелей культуры. Но исключения есть исключения, они, как принято говорить, лишь подчёркивают правило.

Расписывать сложности службы в тылу, когда идёт война, неэтично, каковы бы они, эти сложности, ни были (я говорю это о военнослужащих, а не людях гражданских или тем более подневольных.).

Надо полагать, заслуги у полковника Брюггемана были, коль скоро в 1945-ом году он был награждён ещё одним орденом Красного Знамени, а в 1946-ом – орденом Ленина, высшим орденом Советского Союза. Однако в том же 1946-ом году его вызвали в штаб военного округа на беседу с окружным начальством, там ознакомили с приказом о снятии с должности и предложили подать рапорт о выходе на пенсию. Так что домой он вернулся уже военным пенсионером и гражданским лицом.

(Конечно, при желании логику начальства понять можно: после войны не у дел осталось много молодых полковников с большим боевым опытом, их надо было как-то устраивать; а тут очень хорошую должность занимает человек, практически в этой войне не воевавший, выслуживший уже право на пенсию, а к тому же ещё и немец).

Правда, в порядке компенсации за обиду сохранили за ним право по торжественным случаям надевать полковничью форму, а также предложили работу в том же училище – вести небольшие курсы военной топографии и педагогики. Отказываться было бы глупо, и полковник, теперь уже бывший, согласился. И он проработал в училище ещё 13 лет и окончательно распрощался с ним в год своего шестидесятилетия.

Начались настоящие пенсионные будни с их долгожданной свободой и серой скукой этой свободы. Каждый борется с ними, как может. Такие люди, как Брюггеман, начинают или копать в земле на традиционных шести сотках, или заниматься так называемой общественной работой, или тем и другим одновременно, создавая этим иллюзию деятельности и удовлетворяясь даже самыми пустяковыми результатами её. Правда, пенсия у него по понятиям того времени была приличная, и они с Марией Васильевной имели возможность при желании съездить и в Запорожье к сыну, и в Башкирию к братьям и сёстрам, и на южный курорт.



Передо мной лежит его фотография, на обороте которой его мелким чётким почерком написано: «28 июля 1970 г. Гор. Омск». Он прислал её моей матери – своей двоюродной сестре. Худощавая фигура, спокойное лицо, совершенно седая голова, широкие чёрные брови и живые блестящие глаза. Чёрный штатский костюм, белая рубашка, ордена, медали.

Через шесть дней он умер: внезапно остановилось сердце. Как будто специально позаботился о фотографии для некролога.

Хоронили его с воинскими почестями.